

АНДРЕЙ АБИНСКИЙ

Тайна озера Икс-Су

ЗАКОН-ТАЙГА

Андрей Абинский

Тайна озера Икс-Су. Закон-тайга

«Издательские решения»

Абинский А.

Тайна озера Икс-Су. Закон-тайга / А. Абинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965718-3

Любознательный читатель найдёт в этой книге повесть о замечательных людях сибирского прииска Топольки, об отважной экспедиции к горному озеру Икс-Су и трагическом происшествии в таёжных дебрях. «Закон — тайга, медведь — хозяин», — говорят местные старожилы. В калейдоскопе времени будут сменяться картины разных лет, а также дела морские и мирские.

ISBN 978-5-44-965718-3

© Абинский А.
© Издательские решения

Содержание

В небесах, на суше и на море	6
Топольки	17
Я и дядя Макар	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тайна озера Икс-Су Закон-тайга

Андрей Абинский

© Андрей Абинский, 2019

ISBN 978-5-4496-5718-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В небесах, на суше и на море

Чтобы добраться до прииска Топольки, мне пришлось лететь с пересадками и одолеть добрую половину глобуса. В африканской Джидде я оседлал воздушный лайнер и через три часа приземлился в Римском Леонардо да Винчи.

Все воздушные терминалы выглядят одинаково и похожи на большие ангары. Леонардо да Винчи – не исключение. Нагромождение серебряных балок украшенных всякими финтифлюшками. К высокому потолку стремится деревянный циферблат «Золотого сечения» Леонардо. Бесконечные галереи электронных табло с расписаниями взлётов и посадок. Под высокими сводами, словно муравьи, снуют озабоченные пассажиры – улетающие, только что прибывшие или мечтающие где-нибудь перекусить.

Успеваю съесть хрустящий рогалик и запить его «капучино». Быть в Италии и не отведать фирменный кофе – это преступление. После завтрака мой кошелек стал легче на пятнадцать баксов. Акулы империализма!

Потом я пересел в другой самолёт – «Боинг 777». Американцы его называют «Трипл севен». Однажды я наблюдал, как эти лайнеры собирают из комплектующих на заводе в Сиэттле. «Трипл севен» – красивый и надёжный лайнер. Ему можно доверить свою драгоценную жизнь.

Проснулся я уже в Лондонском Хитроу. По зелёному коридору благополучно миновал таможенно. Теперь, первым делом, нужно было перекурить. Все мужчины рванули в ближайший туалет. Тут же явился здоровенный британец в морской фуражке и вежливо заявил:

– Джентльмены, здесь курить нельзя. Курить можно в специальном помещении – smoking-room!

– Далеко это? – спрашиваем.

– Нет. Всего полмили отсюда.

С ним не стали спорить и снова закурили, когда служитель ушёл.

Я исследовал окрестности терминала, полюбовался взлетающими лайнерами и завязал разговор с местным таксистом. Английский кэб – это нечто! Рубленая конструкция на колёсах с высокой квадратной кабиной.

– Хорошая машина! – сказал её владелец.

– Почему такая высокая? – спрашиваю.

– Это для того, чтобы джентльмен мог войти в салон, не снимая своего цилиндра.

У моего собеседника есть свой дом в пригороде и большая семья.

– Две собаки, два кота, три дочки и ещё жена, – сказал шофёр. – И все жрать просят!

При этом никакого уважения!

Шофёр был солидным, с широким красным лицом и польскими вислыми усами.

От него я узнал, что его Дэби – та ещё стерва, Габи – боже мой! вообще, стерва. Джесс – ну, совершенно стерва и, в добавок, она ещё и толстая «бич».

– Это вы про дочек? – спросил я.

– Шутишь, парень! Это мои подружки.

Пока мы беседовали, я не заметил, что терминал совершенно опустел. Куда-то исчезла многоцветная толпа пассажиров и разъехались все чёрные кэбы. Наконец, моего водителя зафрахтовала пожилая суетливая леди и он увёз её в дымные сумерки.

На табло обещали, что мой лайнер вылетит рано утром, поэтому я решил сэкономить деньги и перекантоваться в аэропорту. Ночевал на жёсткой скамье, голова к голове с чернильно-чёрным негром. Мы пытались общаться, но он слабо говорил по-английски, а я ничего не понимал в сенегальском. В огромном зале больше никого не было.

Утром я заполнил таможенную декларацию. Полгода назад наш экипаж добирался в Амстердам через Лондонский Хитроу и здесь мы проходили таможенные формальности.

– Что тут писать? – спросил меня тогда первый помощник.

– Имя и фамилию, – говорю, – срисуйте правильно с паспорта.

Комиссар был новеньким в экипаже и впервые в этой высокой должности. В прошлой жизни он был обыкновенным электриком. Слово гёрл он понимал как чувиха, а его любимым лозунгом был клич: «Янки, го хоме!»

Комиссар аккуратно написал свои данные печатными буквами.

– А в графе «Sex»?

– Это сугубо индивидуально – регулярно или нет. У вас как?

– У меня регулярно. Как это будет по-английски?

– R-e-g-u-l-a-r, – сказал я по буквам.

REGULAR – написал комиссар и поставил в конце восклицательный знак. Потом он секунду подумал и неуверенно произнёс:

– Вообще-то, у меня уже две недели, как бабы не было...

– Значит, не регулар, – говорю, – регулярно, это когда три раза в неделю. Двенадцать раз в месяц, в соответствии с международной конвенцией.

– Какой ещё конвенции? – почувствовал подвох комиссар.

– SOLAS, естественно, – поддержал меня капитан, стоявший рядом.

Он прижал ладонью усы, чтобы не зарыдать.

– Что же теперь делать?

– Напишите спереди «NO».

Помполит написал «NO REGULAR», после чего зачеркнул восклицательный знак.

Капитан незаметно, под столом, стиснул мне руку. Его глаза были влажными. Это были слезы отчаяния.

Так мы узнали об интимной жизни партийного работника. А секс, согласитесь, во многом характеризует человека, даже если он – помполит.

Кстати, в таможенной декларации слово «SEX» означает пол. Мужской или женский.

С прилётом в Амстердам, нас поселили в первоклассный отель. Среди ночи организовали завтрак и каждому определили уютный персональный номер. Я уже смыл с себя дорожную пыль и был на пути в страну грез, когда в дверь постучали. В матовом свете коридора маячила нескладная фигура в черных сатиновых трусах. Руками фигура обнимала подушку.

– Начальник, – сказал комиссар, – можно, я у тебя переночую?

– Что стряслось?

- В моем номере и свет не горит, и вообще ничего не работает. И жара, как в Африке.
- Позвоните в ресепшен, – спросонья посоветовал я.
- Звонил. Они ни в зуб ногой, ни черта не понимают. Я их тоже.

Тяжелый случай. Я выбрался из постели и последовал за помполитом в его апартаменты. В номере было темно и жарко, кондиционер не работал.

- Вы дверь как открывали?
- Вот, этой карточкой, – комиссар вытянул перед собой пластиковую карту с эмблемой отеля.

– Она же включает приборы в вашей каюте, – сказал я, – а это – сканер.

Я кивнул на коробочку у входа.

– А-а-а... вот, сволочи, догадались тоже, провокацию устроили!

Комиссар чиркнул картой в прорези сканера. Ничего не произошло. Он вставил карту не той стороной, не по стрелке.

На шум вышел капитан из соседнего номера.

– Что у вас тут?

– Активируем первого помощника.

– А не поздно ли? – с подначкой спросил капитан.

– Это никогда не поздно, – говорю, – вставляете карту в сканер и называете ему свои данные – фамилию, имя, отчество. Только громко. У них тут голосовой дешифратор.

– Давай ты, у тебя лучше получится, – комиссар протянул мне карту.

– Поехали, – говорю.

– Левин Борис Моисеевич!!! – громко заорал помполит.

Произошло чудо. В номере вспыхнул свет, мягко зашелестел кондиционер. Счастливый комиссар захлопнул дверь, забыв пожелать нам приятных снов.

– С ним будет много хлопот, – предсказал опытный капитан.

Но мы отвлеклись...

Теперь я благополучно миновал таможенную зону и английская мэм с острыми глазами поставила штамп в моей таможенной декларации.

Объявили посадку в самолёт «А-310» английской авиакомпании. У иллюминатора, рядом со мной, сидела юная леди, лет семнадцати. Она была русской и выглядела измождённой. Девушка надвинула на глаза шоры и откинулась на подушки.

– Good night! – сказал я ей.

– Night club, – устало ответила девушка и тут же уснула.

После взлёта началось самое приятное – ранний завтрак. Стюардессы были не молодыми и не очень красивыми. Аккуратные белокурые старушки в красных фирменных пиджачках.

Мне дали картонную коробку с едой.

– Что это? – спрашиваю.

В ответ – классика: «Овсянка, сэр!»

Деликатесное блюдо было из пророщенных злаков овса, этакая клейкая гадость. Съел её, запил кофе, затем «колой», потом попросил пива. В животе уже назревала революция. Всё-таки пророщенный овёс – не наша еда.

Потом в Шереметьево я ожидал своего рейса в Новосибирск. Порядок в животе после английской овсянки требовалось восстановить глотком русского пива. В буфете терминала продавали только безалкогольное. Это уже извращение.

Однажды, в Иране, я посетил местный интерклуб. За столом расположилась компания наших моряков. Лица у всех, как на поминках. При этом стол заставлен грудой бутылок с пивом.

– О чём грустим? – спрашиваю.

– Да вот, набрали гору пива, а оно даже без запаха! – посетовали матросы. – Жуткая гадость, а пить приходится.

В исламском Иране нас сильно раздражал сухой закон.

Теперь я купил баночку «Балтики» в киоске, недалеко от терминала. Банку я поместил в бумажный кулёк и смаковал бодрящий напиток, развалившись в мягком кресле аэровокзала.

Предосторожность была не лишней – в аэропортах милиционеры натасканы, чтобы вычислять нетрезвых моряков и разводить их на деньги.

В Америке, в некоторых штатах, запрещено употребление любых алкогольных напитков на улице или в общественных местах. Но желающий выпить, может лояльно нарушить закон, спрятав бутылку в бумажный пакет. Приличия соблюдены и полицейский никогда не прицепится к тебе понапрасну.

Но здесь – моя милиция меня бережёт.

Ко мне подошёл отглаженный милицейский сержант в мышинной форме. Его напарник выжидательно стоял поодаль.

– Что пьём? – без обиняков спросил милиционер.

Я лениво поднял на него глаза и бегло сказал с американским прононсом:

– What's the hell d'you want? (Какого чёрта тебе нужно?)

Мент не был силён в английском и, немного замешкавшись, спросил:

– Документы. Паспорт?

– Passport? O'key...

Я достал из кармана толстый пакет документов и вытащил оттуда свой кипрский паспорт моряка. Там все надписи были на греческо-английском языке.

Мент с умным видом пролистал мой документ

– Have you a problem? – спрашиваю.

– Пошёл ты... – пробурчал слугитель закона, вернул мне паспорт и отвалил не попросившись.

– Это Россия, мой мальчик, – сказал сидевший рядом седой джентльмен.

– Страаана непуганых дураааков, – ответил я с московским акцентом.

Потом был Новосибирск и долгая дорога на перекладных до таёжного аэропорта Жбанск.

– Нет, это не Рио де Жанейро, – сказал я, высаживаясь из автобуса в придорожные лопухи. – Это гораздо лучше!

После долгих морских скитаний отвыкаешь от родных пейзажей и готов обнять каждую березку. В первое время странно, что все вокруг говорят по-русски. На обычный вопрос прохожего: «Который час?», хочется ответить на английском.

В таёжный аэропорт я приехал в полдень. Аэропорт, это, пожалуй, слишком громкое название для глухого посёлка. Совсем недавно я бродил по терминалам итальянского Леонардо да Винчи, английского Хитроу и арабской Джидды. Они сильно отличались от Жбанска. Прежде всего, своими размерами. Здесь терминал располагался в большой бревенчатой избе. Под ней, вдоль мелкой речки, зарастала клевером взлётная полоса. Когда-то по ней рулили небесные тихоходы, «кукурузники» АН-2. Теперь взлётная полоса стала покосом для служителей неба. По углам аэродрома стояли четыре стога. В центре, зелёным ковром, выделялась поляна, с которой взлетали винтокрылые МИ-4. На поле их было два. Одна машина стояла в стороне без несущего винта. Её макушка была накрыта рыжим брезентом. Другой вертолет скучал в центре, устало опустив гибкие лопасти. Под его брюхом в беспорядке валялись какие-то люди. Потом я узнал, что механики регулировали автомат перекоса. Раньше я думал, что автомат перекоса у вертолётa находится в другом месте.

У обочины щипала травку юная козочка. Её уши были длиннее кривых рожек. Караван гусей неспешно шествовал к реке. Солидный вожак обернулся и подозрительно посмотрел в мою сторону.

В «терминале» было три помещения – зал ожидания, касса и радиостанция. Пассажирский зал был пуст. В нём возникало эхо, как в мрачной пещере кубинского Матанзаса. Окно кассы заставлено картонной папкой «Дело №». Номер дела написать забыли.

На гвозде висел рукописный график полётов. Ежедневно один рейс на Чарыш и один в Топольки. Не густо, потому что перелёт в оба таёжных прииска занимал не более двадцати минут.

«Посторонним вход воспрещён» – предупреждала табличка над дверью радиорубки. Заглянув туда, я увидел древний передатчик размером с прикроватную тумбочку. На нём сидела девочка, лет шести. Малышка наряжала в красный лоскут большую радиолампу. В глубине комнаты на узком диване дремала женщина, укрывшись пестрым цыганским платком.

Я вежливо постучал по косяку двери. Женщина встала с дивана и обернула плечи платком. У неё были светлые волосы, круглое лицо и усыпанный веснушками нос. На щеке отпечатался след от подушки. Женщина приветливо улыбнулась и сказала:

- Здравствуйте вам. Куда вы хотите?
- В Топольки хочу. У меня там родственники.
- А с откудова будете?
- Проездом из Лондона. По-английски говорите?
- Нет...
- Жаль, поболтали бы.

Женщина улыбнулась. В её глазах я прочёл: «Много вас таких!»

- Вы не к Тенешевым, часом?
- Нет, Абинские мы. А Тенешевы – наши соседи.
- Там все соседи, – снова улыбнулась радистка. – А дядь Макар – мой родной дядя.
- Хороший человек, – говорю, – его все знают. Жив-здоров?
- А что ему сделается? Рыбалит, да орех промышляет.
- Так я улечу сегодня?
- Сегодня точно не получится и завтра вряд ли.
- Почто так? – огорчился я.

– Один вертолет на консервации. Другой ремонтируют— косяк у них там или перекос перекосило. Тут всё ломается. Рация у меня тоже скисла – я их слышу, они меня нет. Обещали

механиков прислать из города, да уж неделю, как едут... Вертолёт к завтраму наладят, но вас туда вряд ли возьмут.

– Нет билетов?

– Спец рейс будет. На Чульпе откопали самородок на двадцать кило. План за два года выполнили. Полетит туда приёмщик с корреспондентом и с ними милиционер.

Я загрустил. Зависнуть в незнакомом посёлке с неясной перспективой, хорошего мало. Одна надежда – в Сибири добрые, отзывчивые люди. Вдруг мне удастся уговорить инкассатора, милиционеров или лётчика. Такое со мной уже бывало.

Однажды, пацаном, в зимние каникулы, я летел в Топольки с важным поручением. С собой вёз новую бензопилу и другие подарки родственникам.

Народу в зале было – не продохнуть и билета мне не досталось. Однако добрая кассирша обещала посадить меня в вертолёт, если я организую им праздник – засвечу ёлочную гирлянду.

В зале ожидания, увешанный игрушками, стоял пушистый кедр. Он выполнял роль новогодней ёлки. Какие-то люди суетились возле кедровой ёлки и пытались включить гирлянду из разноцветных лампочек. Лампочки не горели. А без гирлянды, понятное дело, ёлка, это просто банальное дерево.

Для радиолюбителя дело это нехитрое, но хлопотное. Нужно было последовательно проверить все лампы, найти и закоротить сгоревшие. Из радиорубки мне дали тестер и через два часа ёлка весело засияла. Публика наградила юного техника аплодисментами, а кассирша уговорила лётчика посадить меня «на колесо». «Он мальчик лёгкий, несмотря что умный», – сказала она пилоту.

Теперь ёлки не было, зато был неисправный передатчик. Дипломатично подкатываю к радистке:

– Я ваш коллега, тоже радист. Правда, флотский. Давайте уже знакомиться.

– Меня Лиза зовут.

– А я Андрей, – говорю, – кстати, я лучший специалист по ремонту электроники. Могу помочь.

– В Лондоне вы этим занимались?

– Нет, заскочил проездом к Маргарет, которая Тэтчер.

– Ну и как она?

– Сдаёт бабулька. Сильно постарела с момента нашей последней встречи. Так что, включаем паяльник?

– Сюда нельзя, – сказала радистка, – начальник, Тимофей, заругает.

– А вы спросите его. Мне всё равно заняться нечем.

Я скромно подпирал косяк у двери. Девочка подошла ко мне и протянула куклу, знакомую генераторную лампу ГУ- 88. Её макушку украшал веночек из розовых цветков клевера.

– Как зовут куколку? – спросил я.

– Танечка.

– А тебя?

– Светик.

– Сколько тебе лет?

Светик растопырила ладошку и показала мне пять пальцев.

– Совсем взрослая барышня, – уважительно сказал я. – Скоро в школу пойдёшь.

– Очень надо! – заявила Света. – Я и так умная. Я азбуку Морзе знаю.

– Ух ты! Как будет буква «А»?

- Ти-тааа, – пропела девочка.
- Светик все буквы знает и на слух уже может, – сказала мама.
- Чья школа! – похвалил я. – Мы с тобой коллеги, радистка Кэт!
- Я не Кэт, я Светик.

Мама тем временем энергично крутила ручку полевого телефона.

– Тимофей! – сказала она в трубку. – Значит так, слушай сюда! У нас тут пассажир объявился, обещает передатчик наладить. Если посадим его в Топольки. Не рацию, мужчину на вертолёт... Нет, денег не просит. Натурой?! Сам дурак!

Лизвета сердито бросила трубку и повернула лицо ко мне:

– Можете войти...

– Сурово вы с начальником!

– Тот ещё гусь! – сказала Лиза. – А у самого жена есть, тут любовница и ещё женщина на станции Кондома. Между прочим, директор базы.

– Здесь всё про всех знают.

– Так у нас деревня...

Для ремонта в радиорубке было все необходимое: отвёртка и стрелочный тестер. Нож у меня был свой.

Передатчик был без названия – древнее устройство, поступившее на гражданку после убойной эксплуатации у вояк. Ломаться там нечему. Конструкция проще, чем у пылесоса. Схемы передатчика, естественно, не было.

Я включил питание и проверил напряжение. Сквозь окошко за латунной сеткой смотрел, как разгораются мощные лампы.

Ещё в пионерском возрасте я заслужил в Топольках большой авторитет. Туда в один год завезли радиоприёмники «Рекорд». Такой «Рекорд» стоял в каждом доме и в каждом доме он не работал.

Неисправность у всех была одна – плавилось балластное сопротивление в цепи анодного питания. Что-то около ста ом. Из кузни принесли паяльник-топор, который грели на костре. Сопротивление я изготовил из нихромовой проволоки от электроплитки. Нашлось и олово, приличная баранка толщиной в палец. Для пайки не было флюса.

Я где-то читал, что партизаны во время войны использовали вместо канифоли сосновую смолу. Снарядили в тайгу экспедицию во главе с Мишкой Пахомовыми. Через час они вернулись и притащили липкий мячик смолы величиной с кулак. Смола отлично заменяла традиционную канифоль.

Мишка Пахомов потом станет деревенским кузнецом и будет караулить меня с ружьём в надежде убить. Это из-за Маруси, дочери Макара Тенешева.

Мне удалось исправить приемник сначала у родственников, а потом и соседям.

Но мы отвлеклись.

Я выждал время, чтобы лампы передатчика хорошенько прогрелись и нажал на телеграфный ключ. Неоновая лампочка на трубе волновода осталась холодной, зато графитовые аноды стали быстро краснеть.

Лиза стояла у меня за спиной и дышала мне в ухо.

– Всё понятно, – говорю, – коротит по анодному питанию.

– Это конец? – спросила радистка.

– Нет, только начало, – успокоил я её, – вскрытие покажет.

Одним движением я выдвинул блок выходного каскада.

Мохнатый паучок в недрах передатчика испугался вторжения и поспешно удрал в темноту. Аппарат не чистили лет десять. Там было всё – заросли паутины, гербарий из осенних листьев, засушенная флора и мёртвая фауна. Проблему я обнаружил с первого взгляда.

– Вот он, разделительный конденсатор, – говорю. – Пробит в хлам. Где-нибудь есть ящик с ЗИПом?

– В кладовке видела какое-то железо...

В тесной кладовой пахло сухой берестой и деревенской баней. Под завалами вил, деревянных граблей и поливальных шлангов мы обнаружили скелет неизвестного радиоустройства. Вероятно, оно пережило не одно цунами и, вдобавок, по нему проехал гружёный КАМАЗ. Однако нужный конденсатор я нашёл и, за неимением кусачек, отпилил его ножом. Также выдернул все радиолампы.

Весь ремонт с предварительной чисткой и заменой ламп занял два часа. На антенне засиял неоновый индикатор и стрелка амперметра устремилась к красному сектору.

– Гарантия два года, – сказал я радистке. – Сегодня я заработал на корочку хлеба?

– И даже на кружку молока, – улыбнулась хозяйка. – Сказать по правде, я не сразу вам поверила... Ночевать будете где?

– Перекантуюсь здесь, в зале ожидания или в местном отеле.

– У нас нет отеля. Гостиницы тоже нет. Много раньше был постоялый двор, когда ещё кони были. Вы можете остановиться у меня. Места всем хватит.

– Сам не будет против? – спросил я для приличия.

«Сам» – так у нас называют хозяина или мужа.

– Сам с усам, – усмехнулась Лиза. – Поехал на заработки в Запсиб. Там и завёл себе городскую.

– Ну и лопух! – говорю. – Он об этом ещё пожалеет.

– Уже пожалел...

– Спасибо, Лиза. Ночлег отбатрачу. Могу дров наколоть, Бурёнку подоить, кур накормить.

Соврал, конечно. Доить коров я не умею.

– Коровы у меня нет, – сказала радистка. – Цыплят Светик накормит, а вот дрова – это можно.

Лиза недоверчиво посмотрела на мои интеллигентские руки.

– Светик, проводи дядю Андрея до хаты. Покажи где топор.

Девочка взяла меня за руку и мы пошли вдоль посёлка, здороваясь со всеми встречными. Встречные заинтересованно смотрели на меня и потом оглядывались вслед. Здесь новое лицо – целое событие. По пути заглянули в магазин. Продавщица, полная румяная женщина, сидела у окна и читала книгу с деревенским названием «Над пропастью во ржи». Мы поздоровались.

– Тебе что нравится? – спросил я Светика у прилавка.

– Колбаса, – не задумываясь, ответила девочка. – И ещё «Баунти», «Марс» и «Сникерс». А лучше – сразу по две.

Мы купили батон докторской колбасы, три жирных селёдины, полкило алтайского сыра, а также «Марсы», «Сникерсы» и «Баунти». Всех по три. Немного поколебавшись, я взял ещё тяжёлую бутылку портвейна. Шампанского и Бургундского в этом сезоне не завезли.

– Дядь Андрей, ты что больше любил в детстве, – спросила Света, – «Марс» или «Сникерс»?

– Петушка на палочке...

Рубленный дом Лизаветы был огорожен забором из железной сетки. Посреди огорода стоял разлапистый кедр. Ещё был низкий сарай, баня и туалет. Веранда блестела зелёными стёклами. На крыльце шурила глаза лохматая кошка. Потом я узнал, что это сибирский кот и зовут его Тимофей.

У сарая высилась груда берёзовых чурок. Тут же, в железном ведре, был замочен тяжёлый колун с вытертым до блеска топорищем. Топор был острый и хорошо сидел в руке.

На веранде я стянул с себя джинсы и переделался в спортивный костюм. Светик тактично смотрела в сторону, однако заметила:

– Какие у тебя длиннющие пальцы. Как у ведмедя на лапах.

– Это чтобы на кедры лазить за шишками.

Колоть дрова – моё любимое занятие. После забивания гвоздей. Из-за плеча, на выдохе, всаживаешь клин топора в середину чурки и она раскалывается с тонким звоном. Потом каждую половинку кроишь ещё на три части. Я увлёкся, вспотел и снял рубаху. Гора поленьев вокруг меня быстро росла. Пришлось относить их в сарай и укладывать вдоль стены. В этом мне помогала Светик.

Хозяйка вернулась домой, когда я уже искромсал половину напиленных чурок.

– Оцените детский труд, – сказал я Лизе.

Втайне я гордился проделанной работой.

– На сегодня, однако, хватит, – пожалела меня Лиза. – Сейчас ужинать будем.

– Команде руки мыть, бачковым накрыть столы! – сказал я.

– Светик, покажи дядь Андрею, где у нас душ. Вода, аккурат, тёплая, нагрелась за день.

Душем оказалась железная бочка на крыше бревенчатой бани. Резиновый шланг вёл в кабинку, сделанную из четырёх колец. На кольях гвоздями прибиты шторы из лоскутов брезента. Консервная банка с пробитыми отверстиями заменяла распылитель. Вода в бочке оказалась тёплой и мягкой. Я с удовольствием смыл с себя дорожную пыль и последовательно все семь потов.

Светик и кот Тишка ждали меня на крыльце. Лиза суежилась на кухне. Я зажёл сигарету и присел на ступеньку крыльца.

За оградой, натужно завывая, проплыл синий автобус. Это был старинный транспорт на базе грузовика ГАЗ-51. Мне с детства нравился звук его мотора на второй передаче. Света посмотрела на машину, спросила:

– Дядь Андрей, ты как думаешь, автобус сейчас едет или тащится?

– Тащится, наверное. Потому что медленно.

– Ага, еле-как, – согласилась девочка. – Он едет в Гамовск.

– Почему в Гамовск?

– Туда всегда в гору...

В дверях появилась Лиза. Она успела уложить волосы в причудливую башню и надеть красное платье с яркими блёстками. Плотная ткань ладно облегла стройную фигурку, оставляя открытыми покатые плечи. На её щеках играл самодельный румянец. «Кушать подано», – пропела хозяйка классическую фразу.

Кухня была небольшой и уютной. Кирпичная печь занимала половину кухни. У окна с тюлевыми занавесками располагался стол под узорной клеёнкой. На столе было много хорошей еды: варёная рассыпчатая картошка, усыпанная шкварками, селёдка в кольцах лука, салат из сочных помидоров с варёным яйцом.

– А где сыр с колбасой? – спросил я.

– Не решилась порезать, – смутилась хозяйка, – думала вы себе...

– Это всем нам! – заявила Светик. Потом сказала где-то услышанное: – Мы едим много. У нас работа тяжёлая!

Мама рассмеялась и открыла холодильник.

– Там ещё вино есть, – говорю. – Тоже нам всем.

Я откупорил бутылку. Она сразу запотела. Разлил вино в гранёные стаканы. Лиза искоса поглядывала на меня.

– Ловко у вас получается, – с лёгкой иронией сказала она. – Опыт?

– Не без того.

– За всё хорошее! – просто сказала Лиза и мы выпили.

Крепкое вино, да ещё с устатку, действует быстро.

– Лиза, давайте уже на «ты», – предложил я.

– Конечно, давно пора, – согласилась хозяйка, – а то мы как не родные...

Действительно, с Лизой я чувствовал себя легко и свободно. Словно мы были давно знакомы. Мне казалось, что эта кухонька и вид из окна уже когда-то были в моей жизни. А часы-ходики на стене уже отсчитывали моё время.

Мы говорили об общих знакомых, вспоминали чудачества дяди Макара. Ещё я узнал, что племенной бык Сатурн вырвался на волю и перепугал всю деревню. Справиться с ним смог только кузнец, Миша Пахомов. «Заломал рога и свалил на землю, как куль! – сказала Лиза. – Мишка, он здоровый, как амбар с пристройкой!»

Миша Пахомов после восьмилетки уехал в город, выучился на кузнеца и потом отслужил срочную. После армии кузнец не захотел жить в шумном городе и вернулся на прииск. «Он там всякие штуки выдумывает по механике, – говорила Лиза, – и даже паровую машину изобрёл».

Дочка дяди Макара, Маруся Тенешева, уехала в город. Два раза побывала замужем и здесь больше не объявлялась.

– Город затягивает, как болото, – сказала Лиза, – кто туда попал, назад уже не возвращается. Наш папашка тоже там сгинул...

Светик уплетала колбасу за обе щёки и не забывала угощать лохматого Тишку. Вдруг она спросила:

– Мам, а дядь Андрей спать будет где?

В её голосе чувствовалась детская ревность.

– Это уж не твоя забота, – ответила мама.

– Я буду ночевать в бане, – сказал я Светику, – на свежем воздухе.

Так легко и просто решился мой квартирный вопрос.

В баньке, на полке мне устроили постель.

– Сюда комары не залетают, – сказала Лиза, разглаживая подушку. – Покойной ночи.

И, уже в дверях обернулась и добавила тихо: «Без баловства мне...»

К чему бы это?

Я сидел на крыльце бани. Погасло окно в доме напротив. Село погрузилось в сон и даже собаки перестали лаять. В чуткой тишине звенели комары и слышно было, как растёт трава. В чернильном небе мерцали далёкие звёзды. Млечный путь уходил за горизонт. Ярко вспыхнул и прочертил небо быстрый метеор. Я успел загадать желание и оно сбылось.

В тени веранды возникло розовое пятно и медленно поплыло в мою сторону. Это была Лиза. Женщина была босая и её волосы пахли цветами.

Топольки

Утром меня разбудил шум вертолѐта. Тут же появилась запыхавшаяся Света:

– Быстрее, дядь Андрей! Мамка зовѐт!

Часы показывали девять. Нищему собраться – подпоясаться. Я наскоро умылся, подхватил свой рюкзак и мы со Светиком поспешили в аэропорт.

Там нас встретила Лиза.

– Иди напрямиком на поле, – сказала она, – я уже договорилась с летчиком. Тебя возьмут. Деньги пилоту отдашь.

Лѐтчика я узнал по голубой фуражке. Пилот вопросов не задавал. Он взял деньги и кивнул на открытый люк.

– Запрыгивай, – сказал он, – не кури там.

Скоро в машину забрались еще три человека. Толстый дядька, весь в камуфляже, милицкий сержант при оружии и корреспондент с кофром аппаратуры. Корреспондент, хлебнул чего-то из походной фляжки, вынул фотоаппарат и принялся всех снимать. Меня в том числе. Позже я увидел свою физиономию в местной газете. К тому же узнал, что я фартовый старатель и капитан дальнего плавания.

Слава ходит за мной по пятам.

Лѐтчик захлопнул люк и забрался в кабину. Возникло неприятное ощущение замкнутого пространства и тяжести собственного тела. Над головой что-то завизжало и в иллюминаторе медленно поплыли лопасти винта. Потом мотор шумно чихнул, лопасти поднялись и исчезли в быстром вращении. Появилась вибрация, вертолѐт подпрыгнул и, наклонившись, устремился в долину, одновременно набирая высоту. Парень в камуфляже смотрел перед собой и нервно стиснул ладони. Милиционер вытянул шею и заглядывал в круглый иллюминатор. Корреспондент вынул фляжку и крикнул мне в ухо:

– Будешь?

– Давай, – говорю.

– Аркадий! – сказал он.

– Андрей! – ору я, сделав несколько глотков. – Арарат?

– Обижаешь, попутчик, самодел!

Из-за шума двигателя разговаривать в вертолете трудно. Тем не менее Аркадий задал несколько профессиональных вопросов:

– Промышляешь там?

– И даже нашѐл самородок однажды.

– Большой?

– Сто двадцать пять граммов!

– Везунчик!

– Я по жизни такой... Двадцать лет на флоте и ни разу не утонул!

Мы снова приложились к фляжке. Фотограф поделился шоколадной конфетой «Ласточка».

Скоро машина пошла на снижение. Внизу, среди зелёной тайги, пестрели огороды, крошечные домишки и покосы на склонах гор. Вертолет сделал разворот и приземлился на местный аэродром – большую поляну у речки Чульпы. Поляна была огорожена деревенскими пряслами – жердями, закреплёнными ивовыми прутьями. На высоком шесте, над избушкой, неподвижно висел полосатый конус. По нему определяли направление ветра. Мотор взревел и затих. Лопасты ещё медленно вращались, когда летчик открыл люк.

Встречающих было много. Моя тётя Фрося, Дядя Гриша, мамин брат, двоюродная сестрёнка Надежда и Гошка, её трехлетний сын. Тут же появился плотник, дядя Макар, а за ним прилетела вездесущая тётя Сима. На деревне её звали Симка-суматоха.

– Ой, Андрюшенька, ой, сколько лет не виделись, – причитала тётя Фрося и плакала навзрыд. По её щекам катились обильные слёзы.

Тётя Фрося очень похожа на мою маму и обе они всегда плакали при встрече или расставании. Мы обнялись. Подросел дядя Макар:

– Тать мои старые кости, кого я вижу! Солдатик! Зови на помощь, Фросинья!

Солдатиком Макар называл меня после моего армейского отпуска. Тогда я заявился в деревню при полном параде – вся грудь в орденах, как новогодняя ёлка в игрушках. А «помочь» – это когда приглашают соседей подсобить в большой работе – поставить сруб, скосить большую поляну или сметать стог. Расплата всегда одна – хорошо накрытый стол. И напиток всегда один – золотистая медовая бражка.

Дядя Макар особенно уважал вторую часть события.

– Тебе бы только нагужеваться! – укорила плотника тётя Сима. – С утра уже без меры!

– Обижаешь, нянька, – возразил ей Макар, – мы меру знаем. Как нету, так и хватит.

– Как поживаешь, дядь Макар? – спросил я.

– Ить, как картошка, солдатик. Если зимой не сожрут, то к лету посодют, – ответил плотник. И без перехода: – Завтра рыбалить пойдём. Надьсь в омуте вот такого талменя видел. Сам-один и не выташу!

Вечером за праздничным столом собралось полдеревни. Во дворе поставили и накрыли стол. Больше всех суетился плотник Макар. Мы сидели рядом. Он спросил:

– Как твой корабль, дюже большой?

– Сто восемьдесят метров, дядя Макар.

– Ух ты! Это, как до той горы!

«До той горы» и за три дня не дойдёшь. Но у Макара свои понятия. Он говорил: «Тут дорогу меряли чёрт да Тарас, у них веревка порвалась. Тарас говорит, давай свяжем, а чёрт говорит – да так скажем!»

Дядя Макар в конце войны угодил на Сахалин и там охранял пленных японцев. С тех пор помнил несколько слов на японском: «Стой, стрелять буду! Руки вверх! Работать!» Я же знал другие, мирные фразы: «Доброе утро, спасибо, до свидания и сколько стоит?» Под ядрёную медовуху мы легко общались с Макаром на японском. У медовухи интересная особенность – голова становится ясной и прозрачной, а вот ноги уже не идут.

С утра зарядил дождь и тётя Фрося отменила покос. Если бы было «вёдро», мы бы собрались ворошить сено или метать стог. Тётя Фрося ушла наводить порядок в клубе, которым заведовала. Мы с дядей Гришей сидели под навесом, покуривали и слушали шум дождя.

Мой родной дядька удался во всём. Как говорится, ладно скроен, крепко сшит. По молодости все деревенские девушки были от него без ума. Высокий, плечистый, он и сейчас мог свалить быка за рога и с одного удара голым кулаком забивал гвоздь. Во время войны дядя Гриша был разведчиком. Ходил за линию фронта, добывал «языков». Войну дядя вспоминать не любил. Только однажды мне удалось уговорить его на рассказ о войне:

«Пошли мы втроём, вернулись двое. Ползком добрались до ихнего блиндажа с пулемётом. Обоих немцев у пулемёта обезвредили без шума. Да не заметили, как из блиндажа выскочил офицер. Шустрый был гад, успел два раза стрельнуть. Суркичину прямо в лоб попал, насмерть, второму, Феде, бедро прострелил. Схватился я с фашистом бороться. Он скользкий, как змей, всё вывёртывался. Наконец, я его прижал маленько, что-то в нём хрустнуло, он и затих.

Потом испортили пулемёт – сняли затвор и поползли к своим. Этот километр за два часа едва одолели. Немцы очухались, начали ракеты пулять и пулемёты шпарят без роздыху. А у меня фриц на плечах, им прикрываюсь, да Федю за собой подтаскиваю, совсем ему худо от раны. Добрались всё-таки. Фёдора сдал в медсанбат, немца – командиру. Фриц оказался живучим. Я сильно опасался, что он не оклемается.

Утром позвали в штаб. Немец ожил и попросил показать ему бойца, который его скрутил. Захожу, докладываюсь командиру по всей форме, явился, мол. Фриц сидит, развалился в кресле, крест на шее, нога на ногу, в глазах страху нет. Вскочил, вскинул руку по-ихнему, уважаю, мол.

Потом немец сказал, что он мастер всякой борьбы и был... цветок, как это... эдельвейс. Говорил, что может стрелять и ножи метать на слух. Завязали фрицу глаза, дали его кинжал со свастикой и завели патефон. Так он попал ножом в самую мембрану!»

Дядя Гриша был дважды ранен и закончил войну в Польше.

Теперь мы сидели под навесом, курили и слушали дождь. Сначала над зеленой изгородью появились длинные прутья удилиц, потом в калитке возник дядя Макар.

– Кому скучаем? – вместо приветствия сказал он. – Десять часов уже, а у нас ни в одном глазу!

– Оно бы не повредило, – ответил дядя Гриша и пошёл в хату.

Скоро он вернулся:

– Там нету, – говорит, – надо в сарайке поглядеть...

Но в и сарае бражки не оказалось.

Однако дядя Гриша не зря был разведчиком.

– Наверное, в погребку мать заначила, – сказал он и принёс из погреба литровую банку холодной бражки.

Мы тут же организовали пикник – порезали огурцы, помидоры, лук и сбобрили салат домашней сметаной.

– Божеский дар, нектар природы, – сказал дядя Макар после первого глотка. – А что, у вас на корабле пить совсем нельзя?

– Нельзя, дядь Макар, но если очень хочется, то можно.
– И в каждом порту жена?
– Это само собой...
– А хайруз в море водится?
– Нет, дядь Макар, хариус в море не живёт.
– Это вы зря. С хайрузом никакая рыба не сравнится, – авторитетно заявил плотник. –
Даже талмень. Или, к примеру, чебак.

Нашу рыбацкую дискуссию прервала тётя Фрося. Она появилась неожиданно и начала распекать дядю Гришу:

– И-и-и, старый, последнюю бражку извёл! Вечером люди придут, чем угощать будем?!
Но мой дядька был непробиваем. Он махнул рукой и спокойно ответил:
– Найдётся...
– Не серчай, Фросинья! – взмолился Макарка. – Мы с солдатиком ещё за Маргарет, бл...,
Тэтчер не обсудили!

Я и дядя Макар

В далёкой молодости из-за непутёвого Макара моя репутация сильно пострадала. Однажды, тётя Фрося написала мне в письме:

«Андрюша, мы думали, ты матрос дальнего плавания. А ты, оказывается, плотник, как наш Макарка. Мы огорчились всей деревней...»

Макар Тенешев был плотником. Иначе как Макаркой его никто и не называл. С утра Тенешев отмечался на драге и вострил топор. Потом обходил деревню в надежде на сочувствие и кружку мёда.

У Остапа Бендера было четыреста способов сравнительно честного отъёма денег. В изобретательности получить своё Тенешев не уступал великому комбинатору.

Прихрамывая (чёртов гвоздь в пятке!), Макар подошел к нашей избушке. Безвольно повис на пряслах.

– Фросинья, – окликнул он мою тётю, – бог помочь!

– Работать с нами, – отвечала она.

– Рад бы помочь, да самим не в мочь... Солдатик твой пишет?

Солдатиком Макар называл меня. В армейском отпуске я подружился с Тенешевым, а еще больше – с его хорошенькой дочкой.

В своё время Александр Твардовский писал: «Отпляшишь, а там сторонкой удаляйся в березняк. Провожай домой девчонку, да целуй, не будь дурак!» Я воспринимал слова поэта, как призыв к действию.

С Машенькой Тенешевой мы удалялись в березняк. Дальше начинались покосы и глухая тайга. Тёмная речка Чульпа дымилась вечерним паром.

– Туман, как в Лондоне, – говорил я Маше. – Идёшь, бывало, вдоль-по Темзе – ни шиша не видно!

– Ты и в Темзе был? – спросила Маша.

– А как же!

– И в Америку плавал?

– Зажмурь глаза, Машенька, и ткни пальцем в глобус – я там был!

Я ощущал волны тепла, исходящие от её тела. Под берёзами я читал стихи. В вечерней тишине они воспринимались буквально:

Я в весеннем лесу пил березовый сок.

С ненаглядной певуньей в стогу ночевал...

– Люблю Есенина, – шептала Маша. – А тебя ещё больше...

– Я тоже... как тебе нравится этот стожок?..

Домой мы возвращались под утро...

За околицей, в зарослях лопуха, меня поджидал Мишка Пахомов. Курки двустволки были взведены, на чёрных стволах оседала роса. Таёжная дремучая ревность – страшное дело. Спас меня случай. Я пошёл к дому другой тропинкой и мы разминулись.

Об этом три года спустя простодушно поведал мне сам Михаил Пахомов, деревенский кузнец.

Маруся Тенешева вовремя уехала из деревни. Иначе, она бы досталась Пахомову. Кому из них повезло? Теперь я совершенно уверен, что повезло Михаилу Пахомову.

Но мы отвлеклись.

– Наш Андрей – матрос, – с гордостью говорила плотнику тётя Фрося. – Моряк дальнего плавания. В Японию недавно плавал, с гейшами пил саке.

– Япония, это да! Это не хрен собачий, – авторитетно соглашался Макар. – Страна восходящего, мать её! солнца... Япония, это вам не какой-нибудь бл... кий Амстердам!

И потом без перехода:

– Гурьяновна, поднесла бы маленькую?

Тётя Фрося таяла и не могла отказать:

– От тебя, как от репья не отчепишься! – ворчала она и выносила плотнику стакан медовухи.

Макар не спеша, в три приема выпивал золотую бражку.

– Я тебе, Гурьяновна, завтра хайруза принесу. В омуте, на Чульпе, мордушку поставил. Еще стаканчик? Для разговора...

– Завтра и поговорим! – отрезала тётя.

Макарка не обиделся и поковылял к другой хате. Там жили Венерцевы.

– Нянька, – сказал он соседке, тёте Симе, – калитка у тя совсем скособенилась. Могу поправить...

– Иди-иди, – отвечала тётя Сима. – Нету у меня. Не поспела ещё.

– Макара легко обидеть, – укоризненно сказал Тенешев, – понять и пожалеть трудно...

Мужичок всхлипнул и вытер глаза рукавом.

– Ой ты, хлюздя, об чем это?

– Бабка Дарья моя, понимаешь, совсем скопытилась. То есть представилась... Выпить бы с горя...

– Да ты чего несёшь, лишенец?!

– Кому? На покос, говорит, пойду. И не пошла...

По щекам Макарки натурально потекли слезы.

– Горе-то какое, – запричитала Сима. – Баба Дарья кончилась... Погоди, Макар, я тебе хоть с лагушка налью.

Она вынесла страдальцу большую пивную кружку. Плотник одним махом выпил и попросил ещё.

– Спасибо, нянька, – поблагодарил он хозяйку. – Аккурат, сейчас за тёсом пойду, последний оплот строгать...

Тётю Симу на деревне звали Симка-суматоха. Она все делала бегом. На работу, с работы, успевала обиходить троих сорванцов и присмотреть за скотиной. Вручную сбила тридцать килограммов масла и сдала на приемный пункт. С деревянным лотком намыла двести граммов золота и получила за это большие деньги – 240 рублей.

Симка-суматоха обежала всю деревню и поведала товаркам горестную весть. Рожали в нашей деревне часто, а вот умирали редко. Поэтому, это событие приобретало исключительную важность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.